

Н а р и м а н А б д у л р а х м а н о в

Т Р И Р А С С К А З А

БЕЛЫЙ ФЛАГ

...Глядя на поседевшую голову мужа, покачивавшуюся перед ее глазами, точно белый флаг, она успела подумать, что жизнь уже прошла, минувшего не вернешь, хочет она того или нет — должна с этим смириться, ибо нет у нее ни сил вернуть прошлое, ни желания сожалеть о прожитой жизни, она и в прежние времена не задумывалась об этом, просто жила с помутненными от страсти молодости глазами, то есть в первые месяцы знакомства она чего только не делала, чтоб стать ему милей, расчетливо оценила его ум и способности, будущую карьеру, вдобавок материальное состояние семьи, даже закрыла глаза на тех, с кем он состоял в отношениях до знакомства с ней, в ту пору она увидела в человеке, который с большой долей вероятности собирался стать ее мужем, нечто, что и сама затруднялась объяснить, она знала, что человек, которого она избрала, не сможет устоять перед ее красотой, упорством, кокетливостью, а дальше все просто — как только она наденет поводок ему на шею, он будет послушной овечкой повсюду следовать за ней, не останется никакой надобности в лишних увещеваниях, поиске всевозможных методов воздействия, скандалах и склоках, а после того, как он привыкнет к высоким постам, родятся дети, не сможет обходиться без женского тепла, он, дабы не терять все приобретенное, постарается на многое закрывать глаза, и даже больше — называть черное белым, играть в глазах других роль счастливого отца семейства, счастливого мужчины. Когда эти ее предположения в дальнейшем оказались истинными, она сама изумилась своей дальновидности: приняв решение провести с ним всю жизнь под одной крышей, она стала во всем

оставлять его неудовлетворенным — муж мог делать многие вещи, но когда и как — зависело уже не от него, по поводу всего этого решение принимала она, вдобавок уверяя его, что то, чего он хочет, должно быть именно таким; доводя его терпение до предела, она исполняла его пожелания, давая понять, что делает это не из необходимости, а из милосердия, идя ему на уступки, она знала, что всего этого хватит человеку, которого она называла мужем, у него не достанет смелости выказать свою власть, да и не поверит он, что таким вот образом может чего-то добиться, вдобавок, с самого начала семейной жизни она чуть ослабила его поводок, то есть позволила *«переступить предел»*, иметь близость с парочкой старых знакомых — однажды она уловила это по резкому запаху духов, а в другой — по царапинам на его спине, но подавать виду не стала, не стала устраивать спектакля на тему «выяснение отношений», наоборот, даже успокоилась, — а когда она между строк дала понять человеку, которого звала мужем, какая в ней таится сила, то явно увидела в глубине его глаз страх, жалость, надломленность и получила неимоверное наслаждение, она была уверена, что человек, с которым она связала свою жизнь, знает, что о его грехе прознали, и после этого он не предпримет шаг, заходящий дальше мимолетных связей; максимум время от времени станет тайком захаживать налево, да и тогда страх перед женщиной, с которой делит ложе, долгое время не будет отпускать его, и в то время он станет еще податливей, еще жалче, еще послушней, а это, по сути, она улавливала по его виду побитой собаки; до тех пор, пока на его лице оставалось это выражение, она могла поволочить человека, которого звала мужем, куда угодно, заставить его сделать для нее что угодно, так она и поступала: заставила взять в долг и сменить старую квартиру на новую в центре; не успел он расплатиться с прежним долгом, как она снова заставила его взять в долг и отремонтировать квартиру по последней моде; как только он чуть отдышался, она потребовала купить дачу и привести ее в божеский вид, затем она с его помощью пристроила брата во влиятельную компанию, а сестре отыграла шикарную свадьбу,

каждым летом она не менее месяца проводила на зарубежных курортах, взвалила на его плечи обучение двух детей — сына и дочери — в «престижной» школе, их устройство на работу, свадьбы и семейные заботы, а он, и не думая возражать и перечить (*может, ему и хотелось, но приходилось невольно помалкивать, ведь поводья находились в руках у жены*), тянул весь этот груз, как ломовая лошадь, к тому же по-настоящему входил в роль, чтобы показать — он счастлив нести весь этот груз; к примеру, трудности, возникающие в связи с проведением в шикарных ресторанах, «на высоком уровне» дней рождений и памятных дней своей благоверной и детей, он устранил всевозможными способами — с помощью друзей, беря в долг, решительней, бессердечней, предприимчивей действуя в «спекуляциях» по работе, либо тратя из отложенных на «черный день» денег, или как он сам это называл «запасного фонда»; в такие минуты, естественно, они стояли рядом и умело создавали образ самой счастливой семейной пары, родителей, вообще самых счастливых созданий; лишь оставаясь одни и вовсе не пытаясь сорвать с лиц те маски, прекрасно понимая, кто есть кто, они задумывались, что связаны очень прочными и порочными узами, и что проживут вот так до самого конца жизни, и женщина в очередной раз уверялась, что выбрала верного спутника, ибо любовь и все такое — вещи мимолетные, самое большее, это выраженная в чувствах форма юношеской романтики, это желание походить на героев книг и фильмов, героев историй, о которых тебе довелось слышать; столкнувшись с реальностью жизни, эти чувства разбиваются вдребезги, то есть любовь — штука хорошая, но если у тебя нет приличного жилья, где ты могла бы прожить с любимым человеком, нет возможности жить так, как хочется, нет продыху получить наслаждение от этого брэнного мира, куда ты приходишь лишь раз, то в таком случае безвкусной окажется твоя любовь или закончится прежде времени, хватит ли у тебя времени, точнее сил, чтобы сполна прожить такую любовь, испытать ее до последней капли, увидеть ее плоды? Да, найдется кто-нибудь, кто ответит на этот вопрос утвердительно, но поверить в искренность этого «да»

ой как сложно, ибо человек — существо, стремящееся жить в комфорте, он постоянно следует за инстинктом, и старается выбрать наилучшее, и любви жаждет не скоротечной, а долгосрочной; если терпит лишения и мучения, значит, эти лишения — не то, чего он хотел, а то, что внезапно на него свалилось, груз, от которого он не успел или не нашел сил сбежать; имей он такую возможность, не раздумывая избавился бы от этих тягот, а если он терпит тяготы добровольно, то это доказательство отсутствия у него даже намека на здравомыслие, ибо человек с головой на плечах примет, что любовь — штука весьма условная, поймет, что нужна не слепая любовь, а рассчитанная привязанность, то есть любовь состоит не только из духовных, душевных и плотских аспектов, она имеет еще и социальную сторону, точнее люди, заболевшие высокой болезнью любви, не живут вне реальности общества, словно наши предки в пещерах, не ведая ни духом ни слухом о реалиях времени, а тот, кто утверждает будто они, как и все, не желают роскошных квартир, машин, должностей, комфортабельной жизни, тот врет до мозга костей, вдобавок, как бы безумно ты ни любил, при столкновении с реальностью эта любовь кончается, а если нет, то на нее падает тень, в лучшем случае она становится почти нестерпимой мукой, а снести эту муку хватает выдержки не у одного из ста, а у одного из миллиона — легенды о любви, которые нам доводилось слышать, берут истоки в жизнях этих страстотерпцев, — один лишь Бог знает кому выпадет стать тем самым одним из миллиона; понадеяться на такое и пустить жизнь на ветер — сущее безумие, ибо лучше синица в руках, чем журавль в небе, реальное может оказаться не столь прекрасным, как в твоих мечтах, твоём воображении, но оно реально, то есть достижимо, конкретно, воплощено, на его недочеты можно закрыть глаза или постараться выправить изъяны, но пустые обещания пусты, достижимы ли? — только Бог это ведаёт, ты ждешь воплощения своих грез и вдруг ловишь себя на том, что вся жизнь прошла, либо остался с пустыми руками, либо встретился с человеком, который перевернул с ног на голову всю твою жизнь,

а потом хоть плачь не плачь — никто тебя не услышит, так и будешь маяться до конца жизни с тяжким сердцем. Но она вовремя предприняла необходимые шаги, чтобы избавить себя от всего этого, и сполна насладилась плодами; порой она задумывалась, что судьба могла бы сложиться иначе: если она послушалась бы не голоса разума, а чувств, и поддалась бы сладким речам и статному виду того парня из района, что бы с ней случилось? Нет, конечно, они отыграли бы сносную свадьбу, а потом стали бы мусолить жизнь в съемных квартирах, у них родились бы дети, а супруги, занимаясь все время нескончаемыми заботами детей, не смогли бы хоть раз поднять голову и осмотреться вокруг, не знали бы ни ресторанов, ни курортов, ни заграничных туров, ни совместных компаний с людьми из высшего света, да и дети не смогли бы получить образование в хороших школах, вот так и жили бы кое-как, и вдруг спохватились бы — жизнь-то прошла, пора собирать манатки, и вот тогда она поняла бы, что обманулась сладкими речами и статным видом, разбазарила свою жизнь, не смогла вдоволь насладиться невозвратными мгновениями своей молодости, а во второй раз не родишься, чтобы исправить ошибки, то есть, как говорил поэт, она эту жизнь проиграла и горечь от этого проигрыша будет преследовать ее вплоть до самой могилы, и тогда она стала бы проклинать себя за то, что попала в сети чувства, не имеющего никакой ценности, — но нет, вышло иначе, она поступила дальновидно, послушалась не зова сердца, а голоса рассудка; благодаря своей немыслимой сноровке и предприимчивости, она таким образом обустроила все дела, что человек, которого она хотела заарканить, сдался ей добровольно, всю жизнь он поступал под ее диктовку, беспрекословно принял выпавшее на свою долю, — она сама изумлялась всему этому, ибо вступая на этот путь, отдавала себе отчет в том, что не все окажется просто, предполагала, что придется терпеливо, упорно и последовательно бороться за то, чтобы прибрать к рукам сердце и внешние позиции своего избранника, однако она с легкостью завоевала его сердце до свадьбы, а внешние позиции после свадьбы; относительно сложным оказалось вырвать

человека, которого она звала мужем, из рук его родителей и братьев с сестрами, а те, горемычные, запросто сдаваться не хотели, но поняв, что пути отрезаны, мосты сожжены и надо смириться с выпавшей на их долю утратой, безмолвно отступили назад, им даже в голову не приходило переступить установленную для них черту влияния — приходили, когда пригласят, давали советы очень осторожно, сто раз отмерив, один — отрезав, даже не настаивали на том, чтоб придерживались их советов, четко знали свое место, а после рождения детей даже советы давать перестали; таким образом, все пошло так, как она планировала с самого начала, она до самых фибр покорила человека, которого звала мужем, надела ему на шею поводок и повела за собой, а тот пусть и нехотя, но безмолвно тому повиновался, никак ей не прекословил, самое большее — оказывал слабое сопротивление, считая эти слабые выпады своим долгом чести, но в последний момент, видя, что от слов его проку нет, на том успокоился, свое поражение посчитал естественным законом жизни, вместо того, чтобы ругаться и поднимать кулаки, портить нервы и рушить семью ради личных интересов, он решил, что будет разумней пустить все на ее волю, — а при надобности у него имелись основательные доводы выйти сухим из воды: он человек должностной, у него нет ни времени, ни желаний забивать голову мелочами жизни, он только и делает, что старается для семьи, точнее, поступки жены совпадают и с его предпочтениями, только сам он на это абсолютно не находит времени, потому и отдал бразды правления в ее руки. Но только сам он чувствовал, сколь дорого обошлось его умничанье и насколько сломлен, принижен, ущемлен, когда понимал, что по вине жены не воплотились в жизнь его сердечные чаяния в связи с судьбой семьи; тогда его плечи опускались еще ниже, и он принимал вид побитой собаки, вдобавок седых волос на висках становилось все больше, и вместе с тем он не решался промолвить ни слова, ибо прекрасно знал, какой ответ может получить, с какими обвинениями столкнуться, потому и молчал: делал вид, что доволен своим прошлым и настоящим, максимум — отводил глаза и жалко

улыбался, смысл и значение этой улыбки не знал никто, кроме него самого и, разумеется, жены, в такие минуты жена горделиво закидывала голову пуще прежнего, устремляла свои глаза, в глубине которых блистали ярость, решимость и победа, на Мужа, и этого хватало, чтобы все расставить по полочкам, этим вот взглядом она определяла не только его судьбу, но и судьбы двух дочерей и сына, этим взглядом решалось, во что они должны одеваться, как учиться, на ком жениться и за кого выходить замуж, как вообще жить; благодаря именно этому взгляду, она стала бабушкой двух внуков, а третий был на подходе, — то есть прошло без малого лет тридцать, но они и не заметили. как миновало это время, им даже в голову не пришло сесть и поговорить по душам об этой самой жизни; даже темные ночи, когда они оставались наедине друг с другом, не вызвали в них подобных желаний, ибо женщина, которая с великим мастерством покоряла чувства того, кого звала Мужем, женщина, которая давала то, чего он жаждал, крохотными порциями и к тому же с огромным одолжением, и тем самым обращала свой долг в обоюдную сладкую победу, эта женщина не оставляла места для романтических бредней и идиллических раздумий, она вселяла в Мужа непонятный ужас, как палач, держащий наготове топор над порывами своей жертвы к свободе, а тот бедняга, стараясь избавиться от страха, понимал, что становится все жалче, и в этот момент сталкивался со взглядом, отнимающим у него всю волю, и ясно понимал, что попал в безвыходное положение, женщина, прекрасно осознающая это состояние мужа, неустанно, словно служебный долг, претворяла в жизнь курс, запланированный с самого начала совместной жизни, и к тому же получала от этих дел истинное наслаждение — это ясно считывалось по ее манерам: когда он находился в обществе, в компаниях и брал слово, она всегда смотрела ему в лицо, как бы говоря «только посмей сказать что-нибудь не то», идя по улице она всегда шла с ним под руку — пусть видят, что без меня ты и шагу ступить не можешь, покупая что-нибудь она узнавала его мнение — ты можешь высказаться, но последнее слово за мной; от всего этого она будто бы молодела, то

ли не видела, то ли не хотела видеть, как стремительно седеют виски человека, которого она звала мужем, а теперь, глядя на поседевшую голову мужа, покачивавшуюся перед ее глазами точно белый флаг, она успела подумать, что жизнь уже прошла, минувшего не вернешь, хочет она того или нет — должна с этим смириться...

ДВЕРЬ

Он поймал меня прямо посреди улицы, даже не дал рта раскрыть и ответить на его приветствие; время ли плохое пошло, говорит он, или люди, не знаю, мне даже в страшном сне не приснилось бы, что два друга — не разлей вода, считающие себя братьями, чуть ли не вскормленные молоком одной матери, могут стать настолько чужими; забыли, говорит, мы совсем забыли прежние деньки, изменили своим мечтам, обещаниям, клятвам, что-то очень легко и быстро стерли из нашей жизненной тетради ту трудную, но очень сладкую, полную смысла пору, я б никак не поверил, даже если весь мир пытался бы меня в этом убедить; я не отмываю свой грех, говорит он; видя, что от тебя никаких вестей, я должен был принять это в расчет, надо было переступить через грешную гордыню и постучаться в твою дверь, растопить ледяной холод между нами; поступи я так, наверное, не позволил бы отчужденности пролечь между нами; не думай, что я этого не хотел, не пытался, не рвался, говорит он, но каждый раз встречало какое-нибудь неотложное дело, и я перекладывал с недели на неделю, с месяца на месяц, с года на год, к тому же надеялся, что ты вот-вот откроешь мою дверь и переступишь порог, что ты совершишь то, на что я не улучил времени, а время-то шло своим ходом, прошло не то шесть, не то семь лет — а может, и больше, теперь вот встретились нечаянно-негаданно посреди улицы; пока он говорит все это, я перебегаю глазами с одного на другое, стараюсь не глядеть ему в лицо, да он и сам этого не хочет, ибо прекрасно понимает — глаза врать не могут, поэтому смотрит то на мои волосы, то на грудь, то на папку под мышкой, и я просекаю, что он откровенно радуется, как

хватаящийся за соломинку утопающий; я же время от времени смотрю на его дорогую, напоминающую танк машину, с которой он сошел и позвал меня по имени, а я еще не мог разобрать, кто это, смотрю на стоящий чуть поодаль газетный киоск, на дверь здания напротив, в голове проносится: «лишь бы он не приглашал меня садиться в его машину», «надо ли мне покупать что-нибудь в киоске?», «интересно, что это за управление, может, если придется что-нибудь выдумать, сказать, что я пришел в это управление по своим делам», но как назло мне ничего не приходит на ум в связи с киоском (*чего только сейчас не продают в киосках, от жвачки до пива*), да и что это за управление я понять не могу (*этих однодневных учреждений, фирм и компаний несметное количество, если не ошибаюсь, здесь раньше находился книжный, я знал милую продавщицу в этом книжном, у нас с ней даже отношения намечались, потом она уволилась, я потерял ее след, прошло лет десять, а то и пятнадцать, книги убрали давно, одно время продавали в этом магазине дорогую одежду, а теперь что-то совсем другое, Бог знает, что именно*), именно в этот момент, словно внезапный ураган, в моей памяти начинают бушевать слова жены, которые она за последние несколько дней повторила, наверное, сотню раз: *«надо прорубить дверь»*; и эти слова устраивают такой кавардак в моей голове, что я на некоторое время выпадаю из реальности, не узнаю человека, стоящего со мной лицом к лицу, не понимаю, чего он от меня хочет вообще, не разбираю его слов и даже хочу взять и уйти, будто все это никакого отношения ко мне не имеет, но человек, застигший меня врасплох, говорит: ей-богу, я столько себя ругал, что нет никакой надобности в твоих упреках, он ведь человек пишущий, говорил я себе, обижаться на него не стоит, я сам должен его найти, проведать, может, у него затруднения какие-то, вот и йенгя¹ твоя каждый раз говорит, мол, нет вестей от брата твоего, найди время — поедем проведем его, узнаем, где и как живет; потом спрашивает, ты где живешь, затем припоминает, да, говорит, там, где эти нефтяные

¹ Женщина, сопровождающая новобрачную в дом жениха. Тут: дальняя родственница

скважины; помню, в последнюю нашу встречу ты говорил, что хочешь купить там земельный участок, ну и как? Я что-то полуутвердительно бормочу, в моей голове среди прочих мыслей снова проскакивают слова жены, сказанные со смесью печали, раздраженности и упорства: *«надо прорубить дверь»*; ноет средний палец левой руки, которую я держу в кармане серого поношенного плаща; за прошедшие семь лет мне удалось купить участок длиной и шириной в десять шагов, кое-как построить одну комнатуху и кухоньку, я брался за любую работу, думая о том, что дети подросли как-то сами собой, а в этот год мы собрали весь доход и построили еще одну комнатенку, и вот теперь надо было прорубить дверь между комнатами, жена все талдычила, мол, ради одной двери мастера будешь звать, ты мужчина, сам должен справиться, у нас лишних денег нет, чтоб на ветер бросать, забот и так полон рот; да и дело она говорила, по сути, вся моя жизнь состоит из прорубания дверей, а это для меня самая тяжелая на свете работа, конечно, я не мог этого объяснить ни жене, ни бедным детям; в этот момент мой друг хватается за мое плечо и говорит, не знаю слышал ли, я переехал из поселка, взял пятикомнатную новостройку в центре, ей-богу, сразу же об этом пожалел, братец, я и не знал, что выйдет столько расходов, ничего кроме четырех стен не дают, притом смеют это еще квартирой называть, все надо делать самому, к тому же квартира-то новенькая, вот и мебель должна быть новехонькой, вдобавок все должно соответствовать дизайну и цвету обоев, ты нрав женщин разве не знаешь, с тебя седьмой пот скатится, пока им что-то придется по вкусу, то здесь не так, то там эдак, ровно шесть месяцев, а то и больше я ни сна, ни отдыха не знал, даже в отпуск отправиться не удалось, только недавно, месяца три как немного угомонился; при этих словах его лицо выражало скорее нескрываемое довольство, нежели изнеможение, наверное, он представлял в тот момент свою комфортную квартиру и втайне испытывал наслаждение; и моя жена уже месяца три-четыре каждый божий день твердила, что *«надо прорубить дверь»*, а я все медлил, для нее это было всего лишь двадцать четыре каменных кубика,

которые надо вырубить, а для меня громадина, заполонившая все мое существо, притупившая чувства, высасывающая всю мою силу точно пиявка; поначалу я посоветовал подождать, когда станет чуть теплее, сказал, что прорубить стену и поставить дверь за день — штука сложная, дети могут простудиться, но мой совет отскочил, точно горох от стены, ничего, сказала она, ты, главное, проруби стену, остальное пустяки; и никак не посмеешь после этого ей возразить, она приведет столько основательных доводов в связи с твоей вялостью, нерешительностью, ленью, что ты совсем опешишь и пикнуть не сможешь, мало того, что она не перестанет дуться и ворчать, так еще и в глазах детей, соседей и родственников опозорит. А я решил как-нибудь перехитрить ее, обещал, что в ближайшие дни исполню ее пожелание, но каждый раз, как назло, выходили срочные дела; конечно, все это не имело ни малейшего отношения к этому Старому Другу, который, как минимум, тепло меня приветил, видимо, и сам он ждет от меня какого-то весомого ответа, говорит, не знаю, слышал ли, я ведь работу тоже сменил, к тому же давно, чуть спустя после последней встречи с тобой, теперь вот работаю в компании зарубежных инвестиций, два года пришлось прожить на чужбине, пришлось и семью с собой увезти, одного из детей оставил у брата, другого отдал там же в колледж, а потом он и в университет поступил, надо и его образование обеспечить, там ведь не как у нас, всякие просьбы и варианты не проходят, оплату за обучение надо вносить вовремя, с Божьей помощью пока как-то справляемся, другой в этом году оканчивает среднюю школу, посмотрим что выйдет, говорит он, потом снова спрашивает: *«ну, сам ты как, что нового?»*; я даю расплывчатые, туманные ответы, в эту ветреную и дождливую погоду ноет средний палец левой руки в кармане плаща, снова проносится в голове злобное шипенье жены: *«надо прорубить дверь»*; жертвой этой злобы я и пал — позвонил вчера на работу и сказал, что немного нездоровится, потом обулся в рабочую одежду, словно рыцарь в латы, взял вместо оружия инструменты и принялся прорубать дверь; я стал прикидывать на глаз сколько мне надо прорубать,

представил всю сложность работы, затем сел и выкурил сигарету, наконец с возгласом «Йа Аллах» приступил к работе; кладка оказалась крепче, чем я предполагал, тяжелый молоток отскакивал к лицу, жена столько раз повторяла мастеру «*клади цемента побольше*», будто мы строили не одноэтажную однокомнатную хибару, а королевский особняк, будто строение высотой всего три метра и площадью тридцать шесть квадратных метров, включая кухню, должно было быть устойчивым к землетрясениям; сама она, упершись руками в бока, стояла рядом, давала указания, как держать молоток, как и куда бить. Старый Друг достал и закурил сигарету, предложил и мне, нет, сказал я, курю только свои, от других у меня кашель, он сказал, да, такие вот дела, а теперь вот я занят дачными делами, жена и дети так и набросились на меня, мол, к лету ты должен обустроить дачу, люди летом преспокойно отдыхают у себя на даче, а мы едем утром и вечером возвращаемся, или просим других сдать в аренду, ну что сказать, я подумал и понял, что они правы, взялся за дело; хорошо, хоть когда были деньги, я прикупил двенадцать соток, отличный участок, до моря пять минут, к тому же берег в той стороне чистый, да, я успел тогда еще обнести забором, да так все и оставил; ничего, сказал я, начнем; братец, это оказалось сущей мукой: подготовь бумаги, подготовь проект, найди мастеров и рабочих, накупи материалов, короче, уже три недели покоя не знаю; будь здоров, сказал я, лишь бы на такое и тратить время и силы; пока он вдавался в подробности постройки своего дачного дома, я попытался немного помассировать ноющий средний палец левой руки в кармане плаща; да, жена, уперев руки в бока, стояла рядом и давала свои советы и указания, а я, чуя, что раздражение и злость волнами поднимаются внутри и вот-вот полыхнут изо рта, опускал молоток на камень, кубик слегка крошился, но уступать не собирался, а жена крутилась, как юла, и приговаривала, мол, с пустяками справиться не можешь, давай сюда молоток, сама все сделаю; я пару раз косо на нее посмотрел, но она даже внимания не обратила, потом я раздраженно повысил голос, она обиделась и ушла, ворча под нос; мои мышцы ныли от боли, я весь был в поту,

я сел и закурил еще одну сигарету, пытаюсь найти какой-то выход, долго-долго смотрел на очерченный проем будущей двери, будто острым взглядом собирался сделать то, чего не смог сделать с помощью молотка. Старый Друг говорит, да и сейчас оттуда еду, жenuшка моя говорит, обязательно должен быть бассейн, чтоб в летнюю жару не бежать стремглав на море, чтоб можно было прямо во дворе прохладиться, теперь вот весь город объездил — ищу мастера, который справился бы с бассейном; хорошо хоть в свое время, когда была возможность, провел свет, газ и воду, не то пришлось бы сейчас еще и этим заниматься, но дело на этом не заканчивается, в центре бассейна обязательно должен быть фонтан, чтобы по вечерам давать прохладу, не знаю, она это увидела на даче какого-то родственника; при этих словах он понял, что начинает ябедничать на жену, и осекся, да ладно, что поделаешь, сказал он, наше дело — делать что скажут, правда, вся тяжесть ложится на наши плечи, но в конце видим, что не напрасно все это было, есть в этом смысл, не послушайся я жены и не установи в квартире отдельную отопительную систему — зимой перемерзли бы, комнаты-то большие, иначе никак не обогреешь; да, все верно, говорю я, а перед глазами встает самодельная железная печка в нашей единственной комнатушке, затем мысли снова возвращаются к *двери*, я вспоминаю, как жена крутилась вокруг да около и вернулась ко мне, смотрела, как я вожусь с кубиком, сказала «*даже одну дверь прорубить не можешь*», а я после этого разозлился пуще прежнего и изо всей силы вдарил молотком, а потом заорал, точно раненый тигр; не помню, как молоток пришелся на средний палец левой руки, помню лишь то, что жена сказала «*доигрался все-таки*» и что я запихнул ушибленный палец себе в рот, в ту минуту я был сам не свой, так опешил, что ни злость свою выплеснуть не мог, ни задуматься о том, что же надо предпринять, так и осел на пол и дергался от боли, жена, не переставая ворчать, принесла воды и дала отпить, потом засунула палец в стакан с оставшейся водой и довольно долго там продержала, затем обмотала чистой тряпкой и сказала, *не твое это дело — двери прорубать*, ничего, сказала она,

вызовем мастера; вот сейчас опять заныл средний палец левой руки в кармане, эта пульсирующая боль поднялась по венам до самого мозга, мне захотелось вынуть руку и проветрить, но потом я вспомнил, что Старый Друг не знает, что средний палец моей левой руки ушиблен, он даже не спросил, откуда я пришел и куда иду; машину в прошлом году тоже сменил, говорит он, по сути, прежняя тоже новенькой была, но машина как любовница, добавляет он, надо часто менять, чтоб не надоела, теперешняя комфортней, все компьютеризировано, никаких неудобств не причиняет, правда, бензина чуть многовато жрет, но тем не менее, когда садишься, чувствуешь, что это не драндулет какой-то, дай Бог, как-нибудь найду время, поедем проведем друзей, давненько я никуда не выбирался в свое удовольствие, от работ и забот продыху нет; после этих слов он нажимает кнопку пульта в руке, мигают фары похожей на танк машины, щелкает замок дверей, я понимаю, что Старый Друг собирается прощаться; это и мне по душе, от ветреной и дождливой погоды ноют суставы, вдобавок усиливается пульсирующая боль в среднем пальце левой руки в кармане потрепанного плаща; выспаться толком ночью не удалось, жена кое-как уговорила сделать на палец припарку, но она не помогла, я вставал несколько раз, включал свет, безмолвно, чтобы не разбудить детей, ходил взад-вперед по комнате, простоял довольно долго во дворе; жена пошла и договорилась с женой мастера, чтобы тот пришел утром и *прорубил дверь*, прошелся штукатуркой, а я должен был искать пути, как до конца осени привести в человеческий вид новую пристройку; всю ночь я не сомкнул глаз, даже не снимая повязки, увидел, что опухоль не сошла, а цвет до самой фаланги стал иссиня-черным, я вдруг страшно испугался того, что мне могут ампутировать палец, я довольно долго продержал левую руку перед глазами и представил, что рука без среднего пальца напоминает *стену с прорубленной дверью*, потом подумал, что надо сходить к врачу, а к врачу без денег не сходишь, и в этот момент вспомнил друга детства — дантиста; по крайней мере, можно показать ему и получить какой-то совет; вот с этими

мыслями я оделся и вышел из дому, даже не позавтракав, кое-как оберегая средний палец левой руки в кармане плаща, в автобусной давке я вот тут и сошел, тут меня и поймал мой старый друг; ладно, говорит старый друг, дай Бог, освобожусь от дел — встретимся, надо почаще видеться, все равно ведь ни дел, ни проблем меньше не станет, жизнь такая вот штука, живешь и живешь, ан вдруг видишь, что конец отпущенному тебе сроку; помнишь ли те беззаботные деньки? жили не тужили, никому ничего должны не были, тогда даже в голову бы не пришло, что заботы тяжким грузом лягут на плечи, а теперь вот уперлись в подъем, посмотрим, чем все это закончится; потом он говорит, передавай дома привет, протягивает руку, а я, моля о том, чтоб не было объятий (*боялся, что задену средний палец левой руки в кармане плаща*), крепкожимаю его руку, говорю, и ты передавай привет, дай Бог, еще свидимся, удачи тебе; Старый Друг на прощанье машет рукой и садится в свою машину, машина трогается с места и едет вниз по улице, а я поднимаюсь по улице вверх, прохожу мимо газетного киоска, сворачиваю налево; первая дверь на углу — дверь зубного кабинета друга детства, *дохожу до двери и толкаю, не открывается, заперта...*

СЛУЧАЙНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Памяти Томаса Бернхарда

Я снова столкнулся с ним у входа в тот самый ресторан; точнее сказать, он выходил, когда я уже был у входа. Как обычно, одна его рука поглаживала пупок, а другая — поднесена к уху. И на сей раз мне в глаза бросился крупный перстень на безымянном пальце его левой руки, поглаживающей пупок, вдобавок я видел, как он разомлел от слов, что слышал по телефону. Если на том конце провода находился бы мужчина, вряд ли он так растаял бы, скорее всего он беседовал с женщиной, причем с женщиной намного моложе себя, может, даже именно с той, которую я вчера заприметил с ним рядом. Такие, как он, после обильной трапезы

и возлияний никогда не отправляются напрямик домой, видать, снова затащит свой живот с выпирающим пупком в автомобиль, и поедет напрямик к той самой женщине, или же подберет по пути и поедет в укромное местечко. А остальное ясно без лишних слов.

Естественно, в мою сторону он и не глянул. Да я и не ждал этого: я ему никем не приходился, ни другом, ни знакомым, мы и словом не обмолвились, не сидели за одним столом — для него я был одним из тысячи, которые ежедневно встречались по ходу. Он убрал телефон от уха, шлепнул левой ладонью по пупку, рыгнул, поглаживая живот, и поцокал языком. Я ощутил непонятный озноб во всем теле, все мои члены онемели, ослабли от этого озноба, подкосились колени, я сделал три шага и оперся на ствол дерева. Подумал: наверно, все оттого, что целый день маковой росинки во рту не было, да еще переволновался вдобавок — вот и результат налицо.

Утром я вышел из дому с болью в сердце, видя недовольное лицо жены, унылое безмолвие детей. Сегодня тот человек должен был заявить свое окончательное решение: берет он меня на работу или нет. Обращение, которое я направил верхам, переслали ему, я уже несколько дней обивал его порог, и сегодня должен был получить решительный ответ. Я находился в думках о том, что я гражданин, имею право работать и должен получить по праву, должен выполнить свой долг перед семьей — обеспечить их всем необходимым; вдобавок его долг состоит в том, чтобы дать мне по праву, ведь его назначили на должность именно поэтому.

Дойдя до остановки я ощутил холодное прикосновение выкидного ножа в кармане куртки. Вечером заметил, что входная дверь, распухшая от дождя, закрывается неплотно, вот и слегка постругал выступы, а вернуть нож на прежнее место — верхнюю полку кухонного шкафа — забыл. Мне взбрело в голову, что, если начальник станет увиливать, я достану нож и скажу: «Если не хочешь, чтоб я тут себя прирезал и пролил кровь на тебя, реши мой вопрос, пусть будет поставлен конец моей безработице длиной в шестьсот тридцать восемь дней, моему обиванию порогов в течении ста шестидесяти одного дня». Конечно, я не знал, чем все это может

закончиться. Наверно, у него есть охранники, им ничего не стоит скрутить меня в мгновение ока. Или же он заговорит мне зубы, затем вызовет полицию и даст им меня арестовать. А потом иди доказывай, что у меня и в мыслях не было покушаться на его жизнь.

Секретарша сказала, и это подтвердил помощник, что начальника на месте нет, наверно, скоро будет. А затем, даже не скрывая того, что я им порядком надоел, они принялись за свои дела. Я прождал около часа в приемной и, не дождаввшись начальника, отправился к главе отдела кадров. И этот бедняга снова повторил те же слова: «Я ничего не решаю, всем управляет начальник, пусть даст добро, и я оформлю твое дело за считанный час». Ну что тут скажешь, он прав, человек он подневольный, тут другой хозяин-барин. Я посидел немного в его комнате и, воспользовавшись подходящим моментом, еще раз попытался выяснить, есть ли свободные вакансии. Кадровик снова ответил уклончиво, и я снова вернулся в приемную начальника и прождал там до полудня, а во время обеденного перерыва поштался по окрестным улицам, затем вернулся в приемную и прождал еще три часа. Ни секретарша, ни помощник начальника никаких точных сведений мне не давали, видимо, мое возвращение было им совсем не на руку, я им вконец надоел, и им хотелось, чтоб я убрался отсюда окончательно и бесповоротно. А я как назло поддался упрямству, точнее, мне некуда было больше идти; за эти шестьсот тридцать восемь дней я написал целую охапку заявлений, сто шестьдесят один день слышал похожие выражения в таких вот приемных кабинетах, встречался с разными начальниками, директорами, председателями, чье отношение ко мне и ответы однако почти не отличались друг от друга.

За час до окончания рабочего времени стало известно, что начальник не придет, что он на каком-то заседании, а после заседания отправится на другое мероприятие. Завтра суббота, послезавтра воскресенье. В понедельник мне снова придется сюда прийти. Я довольно долго бесцельно простоял перед учреждением, может, надеялся в глубине души, что вдруг да начальник неожиданно-негаданно объявится. Увидев, что секретарша и помощник вышли

из здания, я растерял все остатки надежды и стал подниматься по улице. А теперь вот стою возле того ресторана, на расстоянии трех-четырех шагов того самого угла. Правая рука ощущает холодное прикосновение выкидного ножа в кармане куртки.

...Я смог отчетливей разглядеть лицо того типа, когда он подошел к автомобилю. По сути, мне надо было удалиться или зайти в какой-нибудь магазин. Но силы меня покинули, вдобавок все тело снова охватил непонятный озноб, который прошелся по мне утром. Знобило все сильнее и сильнее. Я крепко сжал зубы, да так, что хруст раздался в самом мозгу, и, как назло, именно в эту секунду тот самый тип почему-то обернулся и посмотрел в мою сторону. Я отчетливо увидел капли пота на его плешивой голове, мелкие мутные глаза, поблескивающие под густыми бровями, редкие желтоватые усы на мясистой верхней губе. Левая ладонь с перстнем на безымянном пальце снова покоилась на крупном пупке, правой рукой он держался за дверцу машины. По его взгляду я понял, что он пытается припомнить, где же меня видел; а может, вообще принял за алкаша, не знаю. Вот тут-то я и должен был уйти...

Но я и сам смутно помню то, что произошло потом. Помню лишь то, что ощутил холодное прикосновение выкидного ножа в кармане куртки, затем услышал щелчок, в мелких мутных глазах того типа появился внезапный страх...

Я не почувствовал ни того, как нож вошел в мягкую плоть, ни того, как он выскользнул и выпал из рук. Не помню и того, как мое тело, лишь мгновение назад лишенное всех сил, собралось, и я помчался стремглав вверх по улице. Наверно, до того как приедут полицейские, найдется смельчак, который побежит за мной... А что будет дальше — ведомо лишь Аллаху...

...Вчера я вышел из дому в то же время. Мне выпало счастье застать начальника в управлении, но пришлось прождать в приемной, пока тот завершит собрание и решит важные вопросы. В конце концов, ему пришлось меня вызвать. Когда я вошел, он состроил такую мину, что я понял: надеяться не на что. Он

сказал: «Я посоветовался с товарищами, на собрании об этом тоже упомянул, ваш вопрос в центре внимания, мы рассматриваем все возможности, посмотрим, что можно сделать». А потом добавил: «То, что ваше заявление переслали мне сверху, еще ничего не значит, нам его переслали, чтоб мы рассмотрели вашу просьбу, а не удовлетворили, вот мы и ищем пути и варианты, это дело так запросто не решить». Еще он дал понять, что нет необходимости приходить каждый день, я могу дать свой телефонный номер его помощнику, мне позвонят и сообщат о результате. Я понял, что на самом деле результат ему известен заранее, просто говорить сейчас не хочет, наверное, опасается, что я снова пойду наверх, напишу заявление. И тогда ему попеняют: какой же ты начальник, если не можешь спровадить подобру-поздорову? Я вышел из его кабинета и продиктовал свой номер помощнику. Сначала хотел взять и уйти, но потом решил навестить и кадровика. Он сказал, что не располагает полномочиями для решения данного вопроса и что ему должны дать указание свыше. Добавил и следующее: «Кадров много, а возможности ограничены, начальник должен взвесить все за и против, найти приемлемый выход. Что мне поручат, то я и выполню». Видимо, совестливый человек, не стал грубить, да и надежды лишать не стал.

Выйдя из учреждения, я довольно долго шатался по улицам. Если б вернулся домой столь рано, то вконец испортил бы себе и так уже испорченное настроение. Часть денег за газ не уплачена; этот месяц уже подходит к концу, за свет тоже надо уплатить; стоит осень, с каждым днем холоднее, детям надо купить новые ботинки; вдобавок ко всем бедам скопилась целая стопка пригласительных на свадьбы. Вечером просмотрел, на одну из трех можно не сходить, дальний родственник, другую тоже можно отклонить — сейчас он выдает дочь, а потом женит сына, вот на свадьбу сына и схожу, а третье приглашение никак не отклонить, это ведь сосед по лестничной площадке, мы с ним сталкиваемся каждый день. Когда работаешь — в себе уверен, знаешь, что получишь такого-то числа зарплату и вернешь долг.

Когда я поднялся по той улице и дошел до ресторана, то увидел того самого типа. Рядом с ним была молодая женщина. С первого же взгляда я понял, что она ему не жена. Левая рука с крупным перстнем покоилась на уродливо выпирающем пупке, а правой рукой он держал женщину за локоть и, слегка склонившись, что-то шептал ей на ухо. Проходя мимо них, я увидел капли пота на плешивой голове того типа, мелкие мутные глаза, поблескивающие под густыми бровями, редкие желтоватые усы на мясистой верхней губе. Женщина исподтишка смеялась и жеманилась, но все ее жеманство выглядело не к месту и некстати, ибо по всему ее облику становилось ясно, что все уже давно решено. Видимо, автомобиль возле тротуара принадлежал этому же типу, и вот так, переговариваясь, шутя и смеясь, они сядут в машину и поедут в укромное местечко.

Не знаю, обратили ли они на меня внимание, когда я проходил рядом, но, дойдя до дерева в трех-четыре шагах поодаль, я испытал такое отвращение и позывы к рвоте, что еле удержался. Однако останавливаться не стал, поднялся вверх по улице и стал ждать на остановке автобуса, а спустя десять минут уже ехал домой, задыхаясь среди людской давки.

...Позавчера, когда шел в учреждение, куда переправили одно из моих заявлений, написанных в вышестоящие органы, настроение у меня было довольно хорошее. Если заявление переправили именно в то учреждение, значит, результат должен быть, и вполне вероятно, должно случиться что-то хорошее. Ведь я опытный специалист, повсюду, где я до сих пор работал, мое имя числилось среди лучших. Когда шестьсот тридцать восемь дней (*почти два года*) назад наше управление распустили, мне пообещали, что без работы меня не оставят, в скором времени обеспечат работой по специальности. Я жил с этой надеждой три месяца, но увидел, что дело все тянется и тянется, и потому начал раза два или три в неделю наведываться в главное управление. По истечении года мытарств я перестал надеяться на всякие обещания и принялся писать жалобы, точнее, требовательные письма. На часть писем ответа получить не смог, а на часть ответили: *«принято к рассмотрению, вы будете поставлены*

в известность о результате». Если б не случайная работа, которую время от времени подбрасывали друзья да товарищи, то, наверное, я совсем растерял бы надежду. Я снова чувствовал, как растерял уважение, пал в глазах жены и детей, товарищей и знакомых. Страшнее было то, что с каждым днем я ощущал, как слабеет мое сопротивление, а в голове роятся всякие нездоровые мысли. Будь я годен на любую другую работу, да хоть на торговлю на базаре, то не сомневался бы ни секунды. При каждом удобном случае я заводил речь о своей безработице, люди сожалели, подбадривали ничего не значащими словами, а потом всячески меня избегали, чтобы не сталкиваться с лишней проблемой...

Позавчера, когда я узнал, что из главного управления отправили мое последнее заявление на рассмотрение, я немного приободрился. Во всяком случае, видимо, они хотят решить мой вопрос, не то не стали бы переправлять мою жалобу. Я выходил из дому с этой целью в сто пятьдесят девятый раз, к тому же немало волновался. Я изложил цель своего визита секретарше начальника, а та отправила меня к помощнику начальника. Помощник выслушал мою проблему, перевероршил кипу бумаг, наконец отыскал мое заявление и сказал: «Да, прислали на рассмотрение, я уже доложил начальнику, на днях будет рассмотрено, и принято должное решение, можете не беспокоиться». Я поблагодарил его за совет о том, чтобы я не беспокоился, но уточнить в чем же состоит *«должное решение»*, так и не смог: если это нужное мне решение — великолепно, если же это нужное им решение, то... Попытка попасть на прием к начальнику не увенчалась успехом: у него зарубежные гости, а потом он отправится на торжественную церемонию по случаю заключения соглашения о сотрудничестве. Помощник сказал, что лучше заранее позвонить и записаться на прием, а приходить уже после. Вдобавок он вручил мне красивую визитку. Я понял, что упорствовать после этого бессмысленно, и вынужден был уйти. В этом управлении близких знакомых у меня не имелось, чтобы втихомолку расспросить об обстоятельствах, уточнить, каковы у меня шансы устроиться на работу.

Я стоял на улице и внимательно разглядывал здание управления. Оно расположено в хорошем квартале города. Правда, от меня далековато, ну ничего, я привык долго добираться, ничего страшного — выдержу. Из дому до остановки десять минут пешком, за полчаса, максимум сорок минут автобус доезжает до остановки на углу этой улицы, и за десять минут я доберусь от остановки до управления — все вместе час. Если подходящих условий нет, обед могу приносить из дому, или же найду где-нибудь поблизости кафешку, где дают какао и булочки. Однако двусмысленные, неясные слова помощника, ироничный взгляд секретарши немного подпортили мое чуть поднявшееся настроение, и эта отравка постепенно завладевала моим мозгом и туманила сознание. За эти шестьсот тридцать восемь дней я так привык к подобным словам, что даже если мне наконец-то выпала бы удача и я заполучил бы эту треклятую работу, то некоторое время не смог бы в это поверить, продолжая тревожиться.

Я пошел на остановку по маршруту, который начертил загодя в уме. Поравнявшись со входом в щегольской ресторан, увидел того типа. Во всем его облике было что-то отвратительное, чего я не мог объяснить и самому себе. Левая его рука с большим перстнем покоилась на пузе, он беседовал по телефону и оглядывал каждого встречного липким взглядом. Не знаю, обратил ли он на меня внимание. Даже если обратил, то я бы ему не запомнился, ничем примечательным я не отличаюсь, даже знакомые, не видя меня года три-четыре, узнают с трудом. Но он запечатлелся в моей памяти, хоть я и глядел на него всего пару секунд; даже когда повернул на углу направо и пошел к остановке, смог отчетливо представить того типа перед глазами, отчетливо, совершенно отчетливо увидел капли пота на плешивой голове, мелкие мутные глаза под густыми бровями, редкие желтоватые усы на верхней губе...

Перевод с азербайджанского Ниджата МАМЕДОВА